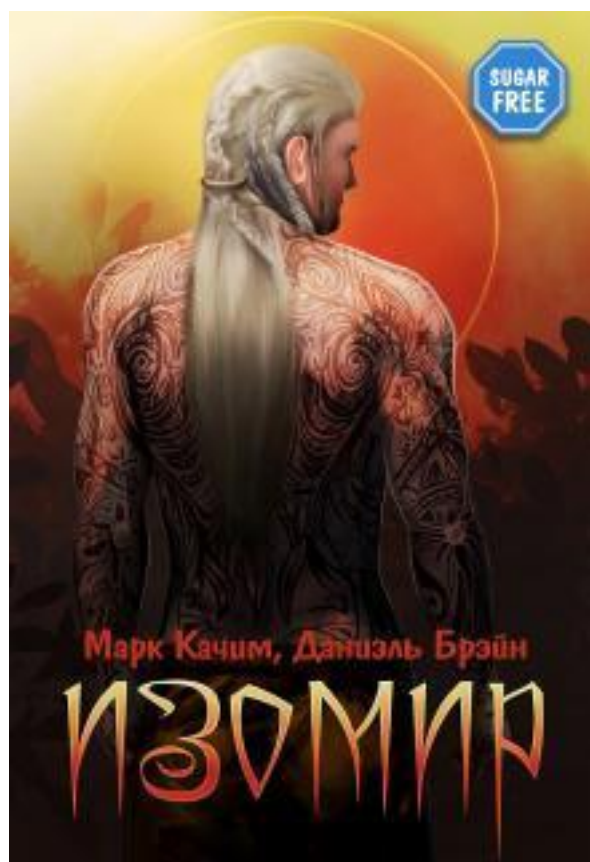

Марк Качим

Изомир

«Литнет»

2023

Качим М.

Изомир / М. Качим — «Литнет», 2023

В мире под синим небом Рей Келлер был шерифом маленького городка. В мире под красным небом он стал членом племени уллютов — и свидетелем преступления. Опрометчиво пообещав сыну Вождя узнать, кто стал причиной смерти его отца, и научить всяким интересным премудростям. Уллюты готовы учиться, но это еще большой вопрос, кто и кому будет в итоге давать уроки. **ВНИМАНИЕ!** Данная версия книги НЕ содержит любовной линии!

© Качим М., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1

Старшая школа в городке Флэйр была его главной достопримечательностью. Символом, напечатанным на открытках, красовавшимся на городском сайте. Построенная в середине позапрошлого века, школа стояла среди старого парка, тронутая суровой зимой и жарким летом, посеребренная от времени, но все такая же изумительно-красивая, и утопала сейчас в ярких осенних красках, только крыша торчала над верхушками деревьев.

Желтый, оранжевый, красный, карминный, алый — люди выдумали столько цветов, а парковаться так и не научились, — думал шериф Реймонд Келлер, выписывая квитанцию Бобби Кларку, местному агенту по недвижимости. Бобби никогда никому ничего не продавал, но недвижимостью являлся сам регулярно, и Рей подозревал, что сегодня, вечером пятницы, безупречно исполнявший обязанности городского пьяницы Бобби займет любимое место в углу продуваемой всеми ветрами камеры.

Река, протекавшая внизу холма, тоже называлась Флэйр* — с незапамятных времен, когда еще города никакого здесь не было, и само это слово означало — очарование. Впрочем, Шотландец МакГи, владелец заправки, считал, что город назвали в честь речных скатов. Этой версии противостоял учитель биологии Майк Боул, закадычный — по боулингу — приятель Рея. Скаты, сообщал Майк, никогда не водились в штате Мэн, а стало быть, не может быть никаких сомнений: город получил свое название в честь красоты. В том, что здесь невероятно красиво, никто же в здравом уме сомневаться не станет?

**Flair — (англ.) очарование, колорит; (шотл.) скат (рыба)*

На самом же деле это была всего лишь фамилия первого поселенца, человека довольно вздорного, самолюбивого и жестокого, так что неудивительно — потомки благодарность не проявляли.

Рей вздохнул, сунул квитанцию под стеклоочиститель, прикинул, где искать владельца машины. Выходило, что в баре Хромого Питера, и стоило наведаться туда, пока Бобби не спустил все доходы от своей основной работы — на заправке Шотландца МакГи. Маленький город прекрасен тем, что здесь все друг друга знают, а еще — тем, что туристы летом приезжают сюда, в места, разрекламированные Королем Ужасов, и наплевать, что здесь никогда ничего толком не происходит, главное, что бизнес идет.

Рей направился к бару Хромого Питера. Благо идти было недалеко — каких-нибудь ярдов сто, на другой конец площади. На крыльце курила Эдди, бессменный бухгалтер всего Флэйра, и, завидев Рея, приветливо махнула ему рукой.

— Буэнос диас, Эдмунда, — по-джентльменски склонил голову Рей. Эдди рассмеялась:

— Нет, над произношением надо еще работать! «Б» не такая четкая, как в слове «Бостон». Смотри-ка, а что это там?

Она произнесла это так некстати и так удивленно, что Рей обернулся и проследил за ее взглядом.

— Дым? — не поверил он.

— Похоже, да, — Эдди задушила сигарету. — Опять в лесу кто-то разжег костер?

Рей тревожно всматривался. Дым, только что едва заметный, уже отчетливо стелился над крышей.

— Господи, да это же школа горит! — выдохнула Эдди.

Буквально чувствуя, как в кровь льется адреналин, Рей крикнул:

— Звони в пожарную! Быстро! Скорей! — и кинулся со всех ног через площадь.

Движение на площади всегда было слабым, но именно в этот день что-то понадобилось здесь старенькому пикапу. Рей выскочил буквально из-под колес, радуясь, что он не окончил жизнь так нелепо, и ужасаясь одновременно: с того момента, как Эдди заметила дым, прошла от силы минута, но дым уже было не спутать ни с чем.

Завыла пожарная сигнализация. Было четыре часа дня, уроки давно закончились, но кое-кто в школе еще оставался. Рей перепрыгнул через кусты, понесся через желто-красно-карминовый парк, и запах беды — ведь огонь действительно пахнет — забирался в легкие.

Под ногами шуршали опавшие листья, чавкала влага, ботинки скользили, а в боку уже нещадно кололо. Рей выбежал из парка и с облегчением увидел, что школьники — совсем немного, человек двадцать — уже покинули помещение.

— Миссис Стивенсон! — крикнул он. — Всех вывели?

— О, шериф, — миссис Стивенсон дрожащими руками пыталась набрать номер пожарной бригады. — Вроде да. Это вся моя театральная труппа. Нэн закрыла компьютерный класс — пошла в больницу, боится за свой животик. Боже, да что со связью?

Рей выхватил свой телефон. Не такой навороченный, как у большинства школьников — все они как один снимали, как занимается здание. Уже горит, никаких сомнений. Пожар серьезный. Во Флэйре жили всего восемь тысяч пятьсот человек, согласно последней переписи, и вся пожарная служба состояла из добровольцев.

«Вот это минус нашей системы, — подумал Рей, — здание не спасти. Они не смогут, нет ни сил, ни средств».

Несмотря на то, что школу окружал парк, риска, что огонь может перекинуться на деревья, не было. Вчера прошел ливень, кроме того, асфальт, заменивший некогда выложенный тут булыжник, протянулся ярдов на сорок с обеих сторон особняка. Ветра не было. Рей, как и миссис Стивенсон, не получил ответа от пожарных, но, может быть, с ними удалось связаться хотя бы Эдди?

Рей всматривался в небо, ставшее враз низким и сумрачным, видел, как огонь пробует на язык верхние этажи, а потом ему показалось, что кто-то мелькнул в одном из окон.

— Шериф? — завизжала ему вслед миссис Стивенсон. — Шериф, вы с ума сошли!

Рей прекрасно знал, какой лексикой владеет утонченная учитель литературы. Ее запойный отец и такой же запойный муж требовали отчаянных мер. Но сейчас она была не замученной дочерью и женой, а учителем, примером для учеников. Добрая половина их могла бы подсказать ей, пожалуй, не менее смачные выражения.

В здании было невыносимо. Дым резал легкие, ел глаза. Рей расслышал сирену — ну наконец-то хоть кто-то, но среагировал. Школе конец, но с кем-то рядом уже легче.

Он знал расположение классов. Там, где в окне мелькнула тень, был кабинет физики, и сейчас он был заперт, к великому удивлению Рея.

Впрочем, дверь держалась на честном слове. Рей приготовился выбить ее ногой и даже сделал пару шагов, примериваясь. А потом замер. Нет, нельзя. Горит крыша, в классе стекла еще целы, а приток воздуха разгонит пламя — и все, конец.

— Шериф?..

— Какого хера ты тут делаешь? — заорал Рей, глядя на худющего Тоби. В руках тот что-то сжимал. — Пошел вон!

Тоби протянул руку, раскрыл ладонь. На ней блеснул самый обычный ключ.

— Я взял его из кабинета директора, — быстро пробормотал Тоби, сунул Рею ключ и повернулся. За его спиной послышались шаги — нелегкая несла кого-то еще.

— Кто там? — крикнул Рей, для верности указав Тоби на дверь запертого кабинета. — Там кто-то есть?

— Мистер Боул! — отрывисто ответил Тоби и кинулся вниз по лестнице. Рей решил, что это к лучшему.

— Майк! — заорал он. — Ма-а-а-айк! Ты меня слышишь?

Ответа нет. Внизу раздавались крики и голоса, загрохотали сапоги на лестнице. Какого хрена в кабинете физики делал учитель биологии Майк?

Рей потрогал ручку. Горячая, но не слишком. Не такая, как могла бы быть, если бы за дверью бушевало пламя. Он сунул ключ — дверь была заперта изнутри.

Но она легко выбивалась ногой.

Рей отскочил в сторону. Много дыма, но пламени видно не было. Дым клубами заполнил все, на этаже уже опасно было оставаться. И крыша вот-вот обвалится, но голоса приближались, наверное, тащили шланги.

— Ма-а-айк!

А еще прямо из кабинета физики есть ход на старый чердак, вспомнил Рей. Пустой, разумеется, но так было, когда приезжала комиссия из Бангора. А полиция Бангора год назад обратила внимание шерифа на то, что Флэйр на примете у федералов, похоже, что здесь налажено производство какой-то дряни. Рей их обсмеял: «В нашей деревне мы знаем, кто, когда и где перднул». А похоже, что нет, не знали.

— Майк!..

Рей ждал, когда придет помощь, и теперь безумно хотел, чтобы и улики какие-нибудь уцелели. Не в кабинете физики дело, конечно, не в нем. А в чердаке, гулком, пустом от края до края.

Сперва задрожал под ногами пол, и бежать стало уже слишком поздно.

Это было даже не больно. Быстро. Раз — вспышка — и горячо. А затем ничего не стало — ни школы, ни дыма, ни существования.

Ненадолго. Рей открыл глаза — он успел упасть, огонь прошел верхом, и раздавались чьи-то встревоженные голоса.

— Раэль? Раэль? Дамкам тават!

«Тьфу ты, арабский, что ли?..» — подумал Рей, глядя в освещаемое огненным заревом небо...

Или это закат?

Небо было как-то странно равномерно красным, без каких-либо других цветов — ни белой проседи облаков, ни голубых просветов, ни темных туч, ни золото-багряных закатных переливов.

— Раэль? — повторили где-то прямо над ухом, а потом тот же голос внезапно будто бы перешел на английский, хотя ухо слышало все те же непонятные слова: — Осторожно! Он живой. Обходите его. Где сеть?

Рей постарался подняться — безрезультатно. Где школа? Детей успели увести? Что случилось — взрыв? Его вышвырнуло в окно?..

С такой высоты. Да он везунчик, что хотя бы еще живой.

Нет, окно исключается, он стоял в коридоре. Вытащили из-под завалов? Везунчик вдвойне.

— Не убивайте сразу, — чей-то властный голос был громче других. — Хочу посмотреть, что это за зверь.

Они сдурели? Кого они там нашли, какого зверя? И голос незнакомый, кто-то из новых пожарных? Не может быть, Рей всех их знает почти как братьев.

— Эй, не трогайте там ничего! — закричал он, пытаясь пошевелиться. — Есть пострадавшие? Вызовите 911 и полицию округа!

Где чертов мэр? Опять смотрит чертовы сериалы? Конец света заметит лишь потому, что интернет кончится.

Ответом ему был дружный вздох ужаса. Рей успел было удивиться — что еще-то стряслось? — а потом кто-то заорал:

— Улльх, зверь разговаривает!

И в следующую секунду на него упала тяжелая колючая сеть.

— Вы sdурели? — заорал Рей. Люди незнакомы, голоса незнакомы, местность... Ему удалось сесть, точнее, приподняться, и стало ясно, что он без сознания.

Реалистичный до физической боли медикаментозный сон. Возможно, агония. Но Рей чувствовал боль в ноге, значит, все же он жив, просто действуют препараты. Нога. Если только нога — не страшно, лишиться руки или заполучить парализованный позвоночник намного хуже.

Красное небо до самого горизонта упиралось в покрытую такой же красной травой степь. Ни гор, ни деревьев — лишь море красной травы, люди и какие-то странные красноватые лошади.

«Мои глюки красного цвета...» — отрешенно подумал Рей, вцепившись в сеть. Та тоже была сплетена из какой-то травы, колючей и жесткой.

Поверх сети плавно легли веревки и раньше, чем Рей успел воспротивиться, затянулись, спеленав его по рукам и ногам.

Один из людей, что сидел верхом на... кажется, это все-таки была не лошадь... подъехал ближе, спешил и пошел к Рею. Двигался он неторопливо, и было время рассмотреть очередной выверт подсознания в деталях.

Галлюцинация была удивительно реалистична и изобретательна. Незнакомец был одет в свободные кожаные штаны, на которых почему-то кое-где торчали крупные одиночные чешуи, и что-то вроде лоскутной кожаной перевязи на теле, державшей штаны, но не сковывавшей движения. Все вместе можно было, наверное, назвать комбинезоном, но уж больно причудливо переплетались на могучем торсе ремни, открывая взгляду бесчисленные, покрывающие буквально каждый сантиметр кожи невероятно искусные узоры. Свободным от них было лишь лицо, и, когда незнакомец подошел ближе, Рей вдруг понял, что рисунок не был татуировкой, как он подумал сначала. Нет... Кожа словно сама вырастила столь невероятное украшение или...

«Боже, это же шрамы!» — ужаснулся Рей собственному воображению.

Но не мог не признать, что смотрелось столь устрашающее украшение весьма привлекательно.

Между тем незнакомец присел на корточки и посмотрел Рею в глаза долгим немигающим взглядом. Радужка и зрачки больших черно-карих глаз казались красноватыми, но, видимо, в этом красном мире все казалось красным — даже длинные, собранные в хвост волосы.

— Ты умеешь говорить? — спросил незнакомец тихо и четко — как сам Рей спросил бы бездомную собаку, хочет ли она есть.

— Я много чего умею, — улыбнулся, сам себе удивляясь, Рей. Проще расслабиться и ждать, пока все закончится.

Действие препаратов не вечно.

Люди — их было порядка дюжины, а «лошадей» почему-то в разы больше — зашептались, а незнакомец, помедлив, ослабил веревки, стягивающие сеть.

— Кто ты? — спросил он, внимательно разглядывая Рея.

— Шериф Реймонд Келлер.

Незнакомец нахмурился.

— Это твое имя? — переспросил он. — Или твой клан? Ты человек?

— Человек, — кивнул Рей. — И это мое имя.

— Человек... — послышался растерянный шепот за спиной, и Рей невольно опустил взгляд.

Вроде бы все как обычно — две руки, две ноги, форма шерифа и его же значок на груди. Пистолет тоже должен быть на месте.

Между тем незнакомец сделался еще мрачнее.

— Я — Улльх, — сказал он громко и четко. — Это мое имя. Мой народ — уллюты. Назови свое имя, клан и причину, почему ты на нашей земле, человек!

«Это ты спроси лучше у парамедиков», — подумал Рей, но вслух сказал другое.

— Реймонд Келлер. Клана у меня нет, и это моя земля. Я шериф.

Очень странное ощущение, когда твой собственный глюк тебя не понимает.

Ответ незнакомцу явно не понравился. Он резко выпрямился, отчего Рею пришлось задрать голову: сидя, он упирался ему взглядом даже не в пах, а сильно ниже.

— На чалла его, — распорядился отрывисто. — Отвезем в ают — там разберемся.

Глава 2

Его слова встретили одобрительными выкриками, и веревки затянулись снова. Мир крутанулся, чьи-то руки схватили его за ноги, за плечи и под задницу и водрузили на спину одной из тварей, которая точно не была лошадыю. Взгляд уперся в большую блестящую чешуйку на мохнатой шее, и Рей понял, из кого были сделаны штаны Улльха.

«Надеюсь, чалла — это не мясо», — подумал он. Это был бы уже слишком жестокий наркотический сон, и неизвестно, что привидится после. Было не страшно, а любопытно, куда больше грызла мысль, что что-то может пойти не так — не здесь, во сне, а у врачей.

«Но, наверное, я пойму это сразу. И все равно как-то глупо вышло, я совсем не собирался сегодня умирать...»

— Дай мне, — «лошадь» дернулась, и кто-то сел ей на спину позади Рея. Рассмотреть, кто именно, он не мог — взгляд упирался в шерстяно-чешуйчатый бок и кусок громоздкого кожаного седла.

Глюк переставал быть комфортным.

«Что они там со мной делают? Какая манипуляция могла заставить медиков согнуть меня пополам?»

В голову ничего не приходило.

— Эй, кто там, — кашлянув, окликнул Рей. — Сидя мне несколько удобнее.

Если его и слышали, то проигнорировали — на последнем слове животное снова дернулось и рвануло вперед.

А вот это было уже страшно. И чертовски реалистично. Рее мотало взад-вперед, отбивая кишки о жесткую упряжь, но хотя бы свалиться не грозило: в седле держали сила тяжести и чья-то крепкая рука.

Он хотел сказать: «Ну все, хватит», но что-то остановило. Мы не можем контролировать собственные сны, тем более вызванные искусственно. Превозмогая, как персонаж идиотской супергероики, боль и неудобства, Рей подумал, что отличная мысль — выйти позже на ученого, изучающего природу снов.

А потом его стошнило. Конечно, не от скачки по полям, а от лекарств, которыми его напичкали. Наверное, это было хорошо — возможно, его уже выводят из наркоза.

Несколько раз ему даже казалось, что лошадиный бок уже начинает плыть перед глазами, чтобы раствориться в реальности больничной палаты, но очередной мощный скачок возвращал его обратно в красный наркотический сон.

О том, что они приехали, возвестили человеческие голоса. У Рея уже не было сил, чтобы поднять голову и осмотреться, но он слышал приветственные крики — кажется, женщин и детей. А потом лошадь резко затормозила, и его стащили на землю.

— В югу его, — распорядился, видимо, Улльх. — Накормить, напоить, привязать.

«Значит, со мной закончили, — подумал Рей с облегчением. — Зашивают и сейчас отправят в палату. Интересно, кто-то еще пострадал? И улики, они же все уничтожены, черт... А Майк? Скорее всего, он не выжил».

Мысль, что на следующий срок его шерифом не изберут, даже порадовала. Можно будет пойти помогать сестре с ее гостевым домом, летом у нее всегда тьма постояльцев, а, помимо них, трое детей в таком возрасте, когда мать им еще крайне нужна...

Его опять куда-то понесли. После долгой скачки мешком Рее все еще мутило, и он закрыл глаза, чтобы не стошнило снова. И открыл, только когда стало вдруг темно. Его занесли в какое-то помещение, сняли веревки и сеть, но вместо этого накинули на ногу жгут с прочной петлей. Рей попробовал ее развязать, но не преуспел в этом.

Потом мужчины, которые его несли, куда-то ушли, и пришла женщина. Почти такие же, как у Улльха, кожаные штаны на ней были короче, а кожаная перевязь — шире и скрывала грудь. Да и узоров и на ней, и на мужчинах было намного меньше.

Женщина принесла две плошки: одну с водой, а другую с чем-то похожим на мясной суп. Обе она поставила на пол, явно опасаясь приближаться, и поспешно выбежала прочь из... Тут Рей наконец огляделся и заключил, что находится в каком-то сарае, вот только вместо досок и бревен был использован какой-то странный твердый материал, похожий на скатанную трубками глину.

Есть, находясь под наркозом, тоже странно. Рей хотел провести эксперимент: каким ему покажется вкус внутривенного питания. Мясо — в плошке оказалось мясо — было сладким и жестковатым.

«Глюкозу добавили», — догадался Рей.

В супе было не только мясо, но и овощи. Или травы, не разобрать, есть их не получалось, пресные, без вкуса вообще, и Рей решил выпить бульон, раз так вышло.

Тот обжег горло, и, будь оно наяву, он уже кричал бы, что его отравили. Во сне же спокойно допил, подумал, что сделал глупость, потому что от острого ему адски захочется пить, а воды принесли немного, но воду он выпил даже не всю, и ее хватило. Жажда не мучила, странным было лишь то, что его приковали.

«Чертовы выверты подсознания...»

Рей растянулся на полу и задремал.

Он успел неплохо отдохнуть, когда дверь распахнулась, и в сарай вошел Улльх. По крайней мере, кто-то на него похожий. Он огляделся, нахмурился и молча ушел снова, чтобы вернуться с двумя меховыми шарами. Один он вручил Рею, а второй бросил на пол и сел на него как на табурет, скрестив ноги.

— Вождь Улимхан сказал мне говорить с тобой, — произнес отчего-то торжественно. — Сейчас решится твоя судьба. Раз ты можешь говорить — говори.

— О чем? — Рей приподнялся и сунул пушистый «стул» под задницу.

— Что привело тебя в наши травы?

Скорее всего, Майк, который что-то упустил при производстве запрещенных веществ на чердаке. Рей не был в этом уверен.

— Человек, который был слишком самонадеян, — честно сказал он и в первый раз в жизни подумал, что он у райских врат, как бы они ни выглядели, и врать не стоит. Верно, что в падающем самолете атеистов нет. — По его вине я здесь.

— Где этот человек сейчас? — Улльх нахмурился.

Его лицо совершенно не было похоже на лицо индейца или африканца. Если бы не его речь, узоры на коже и одежда, Рей бы решил, что перед ним скандинав. Возможно, датчанин или немец. Сейчас, когда красный свет неба не падал на волосы, те оказались темно-русыми.

— Не знаю. Может быть, умер. — Рей подумал. — Скорее всего.

— Да впитают травы его кровь, — Улльх коснулся пальцами лба в явно ритуальном жесте. — Зачем вы пришли на наши земли? Вас было только двое?

— Я не знаю, — все так же честно отозвался Рей. — Только он мог ответить на этот вопрос.

Ответ, кажется, поставил Улльха в тупик. Он обдумывал его несколько долгих секунд, а потом наконец спросил:

— Ты был пленником? Тебе завязали глаза?

— Нет. — «А может, надо было соврать?» — Горел дом, я увидел, что кто-то остался в пожаре.

Улльх с явным сомнением покосился на глиняные стены, но промолчал — лишь кивнул, велев Рею продолжать.

— Я полез спасать и оказался здесь, — Рей пожал плечами. Что тут можно было сказать еще?..

Довольно красивое, породистое лицо Улльха изменилось. Он буквально уставился на Рея, скользя по нему взглядом, словно только что увидел, а потом вдруг уточнил:

— Дом, который горел. Какое над ним было небо?

— Серое. Голубое.

После этих слов Улльх резко встал и вышел из сарая. Эта привычка начала уже немного раздражать, но, к счастью, вернулся он скоро. И принес что-то очень похожее на осколок голубой фарфоровой тарелки.

— Такого цвета? — он показал осколок на вытянутой ладони.

— Почти, — кивнул Рей и подумал, что все это становится слишком странно и сложно для наркозного сна.

Улльх сжал осколок в руке и несколько секунд напряженно думал.

— Тебе принесут постель, еду, молока и воды, — наконец сказал он. — Мне нужно говорить с Шаманом. Мне нужно говорить с Вождем. Ты не пленник, — с этими словами он нагнулся и развязал петлю. — Тебя отведут в гаррут... В дом.

«Гаррут — это палата интенсивной терапии».

Рей расслабился. Что бы ни произошло, оно почти кончилось.

Почему-то он вспомнил Милли Робинсон. Ей было двадцать три, и она сидела в его кабинете, сжимая чашку с остывший чаем, давала невыразительным голосом показания и на вопрос о времени лишь покачала головой:

«Не знаю, шериф. Я просто знала, что это закончится. Боль закончится. Может, и быстро было. Но думаю, нет. Очень долго. А потом все».

Милли пришлось намного хуже, чем самому Рею. Человеку, которого она опознала, вовсе не повезло. Его нашли спустя несколько дней в реке. Пьяным полез купаться и утонул.

«Ну, шериф, как бы я ни хотел правосудия, господь наш располагает», — философски заметил хромой Питер Робинсон, владелец единственного в городке кабака с крепким спиртным, и вид у него был благочестивый как никогда. Рей тогда сочувствующе похлопал его по плечу и с легким сердцем закрыл дело за смертью подозреваемого в изнасиловании.

Улльх ушел, Рей лежал и ловил запахи. В Америке травы никогда так не пахли —пряно и сочно, как в баночках завятой кулинарки, сотнями оттенков селективных духов. Они умиротворяли. Рею казалось, он слышит степь — она шепчет, рассказывает легенды и тайны, все, что случилось за века в глубине ее трав, скрытных, как воды океана. Степь и есть море, только сухое.

«Хрень», — поморщился Рей. Он решил, что дурацкие сравнения — результат прекращения действия анестезии.

Когда слышались шаги, он закрыл глаза, искренне надеясь открыть их и увидеть белые халаты и медицинские респираторы. Но нет. В сарай вошли снова какие-то туземцы с узорами на руках, плечах и груди.

— Иди с нами, изомир, — сказал тот, на ком узоров было больше всего. — Мы приготовили гаррут.

Идти никуда особо не хотелось: кишки наконец улеглись на положенные места и теперь требовали покоя и возможности спокойно переварить мясо. Но Рей все-таки поднялся и вышел из сарая.

Снаружи было поселение — ают, не похожий ни на одно из виденных на картинках или в программах канала «Дискавери». Не то чтобы Рей сильно интересовался этим вопросом, но все-таки хижины индейцев видел каждый уважающий себя американец. Да и юрты монголов, иглу эскимосов — обо всем этом как минимум рассказывали в школе. Дома, которые он видел

сейчас, были больше похожи на бамбуковые лачуги вьетнамцев, но с ровной, не покатой крышей, застеленной не травой, а меховыми шкурами.

«В подсознании не бывает дождей?..» — отрешенно подумал Рей.

Ают был небольшой, но людей в нем оказалось много. Наверное, потому что все высыпали наружу: посмотреть на пленника. Или не-пленника, как сказал Улльх.

Рей отдал им должное. Смотрели, но не орали, не тыкали пальцами, не пытались приблизиться или что-нибудь кинуть. Почему-то ему показалось, что рассматривают его не как чужака, а как нового члена коллектива.

Хижина, к которой его привели, явно была жилой. И не менее явно — только что освобожденной от чужих вещей и застеленной новыми шкурами: старые были сложены неподалеку. Больше всего хижина напоминала курятник, но внутри оказалась дворцом падишаха: сплошные мягкие шкуры вместо ковров и меховые шары-пуфы вместо стола и стульев.

— Твой гаррут, изомир, — сказал его сопровождающий. — Вечером будет...

Громкий крик оборвал его на полуслове. Люди испуганно встрепенулись, заозирались, и, едва крик повторился, дружно бросились на звук.

Рей остался один. Его не бросили — так, как новичка обычно при любом ЧП, — просто оставили: жди. Голоса встревоженные, суета.

Пожар? Рей подумал, что это было бы даже забавно. Подсознание способно на издевательства. Но ему никто не запрещал пойти и посмотреть, что происходит.

Еще бы кто-то ему указывал в собственном сне, до крайности логичном и последовательном.

Одна из хижин была больше других и стояла в самом центре. Не нужно было быть гением, чтобы догадаться: там жил Вождь со своей семьей. Возле этой хижины и столпились забывшие про Рея люди, и среди них глаз безошибочно распознал Улльха: тот был выше, плечистее и как будто ярче остальных.

Когда Рей осторожно протиснулся к хижине, криков уже не было. Стояла мертвая тишина. Люди неотрывно смотрели внутрь хижины, а Улльх стоял у входа, бледный и, кажется, до ужаса испуганный.

А потом завyli женщины. Утробно, низко, по-звериному. Все как одна, словно по команде дирижера. Услышав их, Улльх вздрогнул и вдруг упал на колени. К нему из толпы бросились еще двое молодых мужчин и встали на колени перед домом Вождя. Остальные мужчины племени закричали тоже, но их крик был другим — отрывистым, яростным. Они били себя ладонями, кулаками по плечам и груди, словно наказывая за что-то. Не прекращая выть и кричать, люди начали расступаться, давая дорогу еще одному человеку. Его кожа тоже была покрыта узорами, но не шрамами, а то ли краской, то ли татуировками до такой черноты, что рисунок составляли не темные чернила на белой коже, а нетронутые участки чистой кожи на темной окрашенной основе.

Он шел неторопливо, хоть и выглядел обеспокоенным. Зацепился взглядом за Рея, осмотрел его с ног до головы и только затем заглянул в хижину и, обойдя Улльха, зашел внутрь. А когда вышел, черные татуированные руки были в крови, и прошло, как мог оценить Рей, немало времени, минут десять-пятнадцать.

Человек — «Наверное, Шаман», — подумал Рей — обвел толпу взгляд, поднял руки ладонями вперед и громко крикнул:

— Вождь мертв!

Глава 3

Толпа безмолвствовала. Рей потряс головой. Игры подсознания превзошли все мыслимые пределы, и он с тоской подумал, что анестезиолог был пьян. Или, что еще хуже, врачи ничего не смогли сделать, и Рей теперь валяется в коме без шансов в скором времени прийти в себя. Он краем уха услышал вскрик — «Убит?..», и в голове у него словно бы что-то щелкнуло.

— Можно я посмотрю?

В конце концов, его сон — его правила.

— Зачем тебе смотреть на мертвого вождя?

Вопрос Шамана был более чем резонен, Рей на его месте спросил бы то же самое. К ним никто не повернул головы, за исключением Улльха. Может быть, это было грубейшим нарушением ритуала.

— Я... — Как объяснить этим людям, что это его глюки и ему интересно? — Я стоял на страже порядка и закона... следил, чтобы никто никого не убивал, а если убивал, то был за это наказан, — Рей с трудом подобрал слова, и на Шамана они не произвели никакого впечатления.

— Ты следил там, а теперь ты здесь, — Шаман указал на него разукрашенным пальцем. — Ты здесь, а Вождь мертв.

Но он не удивился, услышав от Рея про убийство, только быстро обернулся в сторону тех двух мужчин, которые вместе с Улльхом упали на колени. «Убит?..» произнес кто-то из них.

— Вы были ко мне добры, — быстро пояснил Рей, — я хочу отплатить вам тем же. Добротой.

— Пусть идет, — негромко и очень веско произнес Улльх. — Он из мира под синим небом.

И сразу же отвернулся и застыл в той же позе, что и остальные. Шаман и Рей смотрели друг на друга какое-то время, потом Шаман отступил в сторону, давая тому пройти.

— Твои руки, — заметил Рей, проходя мимо. — Пойдем. Пойдем со мной.

Дилан Пирс разбился на мотоцикле. Безмозглый парень, гонял как умалишенный, благо что не по городу, а Рею гоняться за ним было не на чем. В одну дождливую ночь Дилан доездили, догнав ленивую фуру, и половина его оказалась под полуприцепом, а вторая — на противоположной обочине. Было мало крови, и Рей, тогда еще не знавший всех тонкостей, спросил об этом Колина, парамедика. «Так и должно быть, — покачал головой Колин. — Если возле трупа нет крови, смерть была мгновенной. Поэтому я тоже люблю, когда крови нет...»

На руках Шамана было мало крови. Не столько, сколько могло бы быть, если бы он сам убил Вождя. Или добил того, бессознательного. Рей не спешил выдавать Шаману индульгенцию, просто прошел, окосев от запаха крови и мельком подумав, что это у него разошлись швы и это его сейчас опять на каталке везут в операционную. Шаман вошел следом и замер за спиной.

Рей сглотнул, с трудом обрел дар речи.

— Что это с ним? — спросил он, хотя спрашивать было незачем. Кто-то ножом, валявшимся тут же, вскрыл бедняге грудную клетку, но — крови было мало. Вождь уже был мертв, когда его распороли почти надвое.

— У меня есть сила возвращать жизнь, — Шаман обошел Рея, подошел к Вождю. Рей тоже приблизился. После слов Улльха Шаман снизил градус враждебности, этим нужно было воспользоваться. — Видишь? — Он указал на зияющую рану и мертвое сердце в ней. — Я сжимал его, но оно не бьется. Иногда моей силы недостаточно.

Рей не стал спрашивать, что бы делал Шаман, если бы прямой массаж сердца помог. Знаток истории он не был, но фильмы видел, так что прикидывал: Голливуд можно делить на три-четыре-шесть-восемь, чтобы получить примерный уровень развития медицины в эти...

времена. Возможно, чем-то Шаман бы Вождя и заштопал, и тот бы даже не умер в первые двадцать минут.

— Он так и лежал? — спросил Рей. — Кто нашел его первый?

— Силлья. Его жена.

Рей готов был поклясться, что крик был не женский. Но, может, эта Силлья и не кричала. Может, она даже обрадовалась.

— Что в твоём мире под синим небом говорят о таком, изомир?

— Я посмотрю? — вместо ответа предложил Рей и присел на корточки возле тела.

Вождь лежал на спине. Красивый по-своему, очень статный, недавно полный сил и жизни пожилой мужчина в роскошных, расшитых вручную одеждах. Он тоже был покрыт узорами шрамов. Рей отметил, что Шаман не ответил ему, как Вождь лежал, и задал вопрос снова.

— Нет. Он лежал на боку. Как младенец.

Рей хмыкнул. Младенцы, в его понимании, лежали обычно на спине. Может, на животе, но Шаман слишком уверенно обозначил позу.

— Как спят младенцы в утробе матери, — нахмурившись, пояснил Шаман, и до Рея начало доходить, что среди прочих обязанностей тот, вероятно, выполняет и обязанности акушера. Вон как умело вскрыл Вождя. Не хирург, но ловко поработал.

Несмотря на то, что Шаман был не сильно доволен действиями чужака, Рей все равно осматривал тело. Не то чтобы он был в этом экспертом, но пока не видел ничего, что могло бы указывать на смертельные раны. Он даже осмотрел нанесенную Шаманом рану — пристально, как коронер, и еще раз отдал должное умению местного знахаря и колдуна. Сердце было целым. Ни ран, ни повреждений. И в легких не было крови или жидкости... насколько Рей мог видеть, а видел он немного, увы.

— Почему тот человек возле хижины решил, что Вождя убили?

И он вспомнил, что с Вождем собирался говорить Улльх. Успел или нет?

— А ты взгляни на его лицо, — посоветовал Шаман.

Рей честно взглянул, но ничего не увидел. Да, застыла гримаса боли, удивления, но такое могло быть при сердечном приступе, например. Или...

Но какое бы «или» ни пришло в голову самому Рею, Шаман вряд ли мог так с ходу определить причину смерти.

— Люди Травы не умирают вот так, — заявил Шаман, а Рей сдержал усмешку. — Он только что был жив, здоров, крепок, Улльх вышел отсюда, я видел Вождя после этого.

Рей посмотрел на него вопросительно.

— Вот, изомир, — Шаман опять указал на него пальцем, — они говорили о тебе. Что ж, Вождь велел оставить тебя и дать тебе гаррут. Я свидетель его слов. И люди пошли к тебе.

«Ну хоть это меня утешает», — подумал Рей.

— Время прошло, зашла Силлья. И выбежала. Сказала, что Вождь мертв.

— Ты знаешь, сколько она пробыла здесь?

Шаман покачал головой, но нехотя ответил:

— Не думаю, что долго. Спроси у людей. Что ты еще умеешь, изомир? Пока ты не удивил меня.

Рей решил проверить свою догадку, и, если честно, он предпочел бы, чтобы это сделал кто-то другой. Подобно герою романа Чейза, он панически боялся змей, Мэн был выбран им после колледжа только потому, что этих тварей нет лишь там, на Аляске и на Гавайях. На Гавайях слишком жарко, на Аляске слишком холодно, выбора ему не оставили. Рей приехал, довольно быстро стал своим, впрочем, Флэйр принимал к себе тех, кто хотел в нем остаться, и не хранил камней за пазухой.

— У вас тут есть змеи, Шаман?

В зависимости от ответа Рей хотел, чтобы его вывели из наркоза немедленно или оставили еще ненадолго. Галлюцинации становились весьма интересными, хотя логичность их откровенно начинала пугать.

— Это Травя, тут есть змеи. Это ают, и здесь нет змей.

— Тогда от чего он, как ты думаешь, умер?

— Убить человека можно только ножом?

Рей хотел было сказать, что способов масса, но, во-первых, он не хотел устраивать Шаману ликбез, во-вторых, возражение ему не понравилось категорически.

Тут в дом — гаррут, — напомнил себе Рей незнакомое слово, — вошел Улльх.

— Что мне делать, Ойгу? — спросил он глухо.

— Надо собирать траву, — ответил Шаман и посмотрел на него с сочувствием. — Прикажи людям. Возьмите всех чаллов, нагрузите травой. Вождь Улимхан уйдет далеко по травяной дороге. Твой отец уйдет далеко, — добавил, понизив голос.

— Нет, — сам не зная почему, вдруг негромко заупрямился Рей. — Я должен его осмотреть.

— Зачем смотреть? — Улльх сжал кулаки. От его растерянности не осталось и следа, словно чувства нашли выход в виде злости на самый близкий источник раздражения. — Иди в свой гаррут, изомир. Ешь, пей, отдыхай. Сегодня умер великий Вождь, и ты тому свидетель, — последние слова он проговорил едва ли не с яростью, будто Рей был хотя бы косвенным, но виновником смерти его отца.

— Кто-то сказал, что Вождь убит. Я могу попробовать... помочь найти убийцу. Я не уверен, что смогу. У нас все другое. Но я попробую. Так можно?

Рей и сам не заметил, как перешел на такую же рубленную речь, хотя казалось, что туземцы вполне понимали и обычную.

Шаман посмотрел на него долгим, проникающим в душу взглядом, а затем шагнул к Улльху и положил руку ему на плечо.

— Он человек из-под синего неба, — напомнил мягко. — Мы рады изомирам. Они приносят знания. Смерть твоего отца — вина другого. Пусть делает, что умеет. Пусть ищет. Пусть учит.

Улльх некоторое время молчал, размышляя, а затем дернул плечом. Рей тоже замер, не понимая, чем вызвана такая перемена отношения к нему Шамана.

— Я отправлю людей. Оставайтесь здесь. Я вернусь — пусть учит меня, — произнес наконец Улльх.

Рей не двигался, что не укрылось от внимания Шамана. Улльх вышел — Рей ему не пенял. Как бы то ни было, он только что потерял отца, такие близкие связи в любом мире без боли обычно не рвутся.

— Чего ты ждешь, изомир?

— Здесь может быть... змея или что-то такое. — Шаман недоверчиво наклонил голову. — Ты сказал, что здесь нет змей, но если кто-то принес змею? Что тогда? Она может укусить и нас.

Рей смутно помнил, что змея копит яд едва ли не месяц, но черт их знает, местных змей?

— Думаешь, яд, — кивнул Шаман, но впечатление было, что каким-то своим мыслям. Он властно велел Рею стоять и не двигаться, встал посреди помещения, выпрямился, задрал высоко голову, закрыл глаза и вытянул руки вперед, выставив ладони как щит.

Рею показалось, что он ощущает вибрацию. Слабую, словно за пару кварталов кто-то начал утрамбовывать машиной песок, но это было не иллюзией, и дрожал не пол, а словно бы все пространство вокруг. Было неприятно, но Рей терпел и следил за Шаманом, не отрываясь.

Шаман не стоял совсем неподвижно — он медленно, почти незаметно, но перемещался, переставляя ноги по миллиметру, и по-прежнему глаза его были закрыты, а руки вытянуты и

напряжены. Он был не то в трансе, не то в какой-то иной концентрации, Рей не понимал, чего он хочет этим добиться, но чувствовал, что это не представление, а реальная попытка помочь. Шаман повернулся наконец градусов на двадцать — тело Вождя осталось в стороне, опустил одну руку, указательный палец второй вытянул, после открыл глаза.

— Нет, изомир, — предупредил он, хотя Рей и не думал двигаться, — тебе не надо это делать. Ты не сможешь. Там есть что-то. Слабое. Не змея. Но есть.

Он не спеша пошел в том направлении, куда указывал палец. Рей смотрел во все глаза — там негде было спрятаться, как ему казалось: стол, точнее, нечто вроде очень низкого стола, за которым никак не поставишь стулья и сидеть можно лишь по-турецки, на столе несколько красивых, сложенных стопкой камней, казалось, прозрачных. Палец Шамана указывал чуть в сторону от них. Что там есть? Стена, прикрытая плетеным если и не ковром, то его аналогом, без особых узоров, по мнению Рея — дерюжка лохматая, что вышло, то вышло. Из узких окон без стекол и занавесок падает свет. Шаман остановился, повел рукой, снова прикрыв глаза, и уверенно остановил палец где-то на стыке стены и пола.

— Смотри, изомир, и не удивляйся, — предупредил он. Рей пообещал себе, что не будет. За время этой галлюцинации он уже получил впечатлений, как от фильма 5D.

Шаман словно бы сложил ладонь горстью и поднял ее выше. Он держал что-то в руке — или нет, он двумя пальцами, указательным и средним, как бы что-то сжимал, это что-то болталось и Шаман переносил это на стол.

«Что бы он там ни нашел, не мне же он вручит эту тварь», — понадеялся Рей.

Шаман сделал неуловимое движение, и что-то маленькое и легкое упало на стол.

— Скорпион, — ахнул Рей. Этих тварей он тоже не переносил, и в первый раз сон перестал ему нравиться.

— Ядохвост, — поправил Шаман. Мелкая полупрозрачная тварь с немощными педипальпами. Шаман, отпуская, перевернул ядохвоста на спину, и тот нервно дергал хвостом с ядовитым жалом. Рей с омерзением увидел, как тварь на глазах меняет цвет и становится темной, одного цвета с поверхностью стола. — Видишь? Он долго бы тут сидел. Ты *видишь*, — удовлетворенно заметил Шаман, и интонации в слово «видишь» он явно вложил другие. — Изомиры много сделали добра нашему миру. Ты такой же. Ты пришел в недобрый час, но ты пришел вовремя. Так всегда бывает.

Рею было любопытно, но он не стал расспрашивать, какие изомиры бывали раньше и чем они помогли. Шаман хмурился все сильнее, рассматривая ядохвоста. Того теперь вообще нельзя было различить, и то, что он начал светиться слабым неоновым светом, Рей списал на... магию? Магию Шамана?

— Это ты сделал? — пораженно спросил он. — Ядохвост светится!

— Это чтобы он не удрал, — кивнул Шаман. — У меня отнимает много сил...

— Я сейчас! — Рей, сообразив, что нужно сделать, метнулся в сторону. Где-то там он успел заметить посуду, стоявшую без дела — пиалы, составленные аккуратной стопкой, — теперь он схватил одну из них и накрыл ядохвоста. — Спасибо, Шаман. Ты о них что-то знаешь?

— Они не живут в Траве, — с облегчением выдохнул Шаман, опустив руку. Пальцы его слегка дрожали.

— А где они живут?

— Там, где есть трава с жесткой кожей. Она высокая, до самого неба.

— Далеко отсюда?

Шаман кивнул.

— Четыре месяца пути. Никогда не прислоняйся к траве с жесткой кожей, — посоветовал он. — Ядохвосты убивают даже неосторожных крупных животных. На туши слетаются

падальщики, и ядохвост откладывает после такого пира яйца на останки. Он может ужалить один раз в жизни, изомир. Запоминай.

Рей кивнул. Значит, кто-то поймал эту смертельную самку, точно зная, что она еще не потратила яд.

— Животное умирает быстро?

— Оно успевает сделать несколько шагов и перестает дышать, — объяснил Шаман. — Ядохвосту достаточно времени, чтобы спуститься с травы с жесткой кожей как раз к тому времени, когда ему оставят самое важное.

«Значит, вождю не понадобились эти секунды. Нейротоксин? Его дыхательные мышцы расслабились или, наоборот, напряглись, он не смог дышать и умер».

— Кто мог это сделать?

Обернулись оба — и Рей, и Шаман. Улльх наклонил голову:

— Люди ушли за травой, — сказал он негромко. — Кто мог принести эту тварь, чтобы убить моего отца?

Кулаки его сжались, и Шаман покачал головой.

— Нет, Улльх. Гнев — плохо. Гнев застит разум. Разум должен вести тебя. Ты теперь Вождь.

— Я еще не Вождь, — все так же тихо возразил Улльх. — И я не ты, Ойгу. Я не теряю себя с каждым, кто уходит по травяной дороге. Но женщины племени рожают детей, а значит, ты вечен, Ойгу...

Рей каким-то шестым чувством, которое ему никогда не было свойственно, понял, что Улльх подразумевал. Шаман вечен — возможно, в этом была замешана его магия, и она терялась с каждым умершим членом племени и так же возвращалась с каждым новорожденным. Шаман практически вечен, а Вождь Улимхан — нет.

— Я найду того, кто это сделал, — уверенно сказал Рей и подумал, что стоило бы трижды прикусить язык. Каким образом, он самонадеянный идиот! Его самого сбросят в яму, кишашую такими же тварями! — Мы найдем. Ты же хотел учиться?

Шаман ушел, на прощание вытянув руки и, как показалось Рею, благословив их с Улльхом таким образом.

— Там ядохвост, — сказал Рей, указывая на пиалу.

— Я слышал и видел.

— Теперь нам нужно найти связь между ядовитой тварью и смертью твоего отца. Я уверен, он был прекрасным и мудрым Вождем.

— Ойгу воспитывал его с детства, как и меня, — Улльх грустно улыбнулся. — И говорил, что достойный сын. Но не так умен. — Улыбка стала шире — совсем мальчишеская, решил Рей и озадачился — сколько же Улльху лет? Но тот тут же ответил сам: — Он учил меня двадцать лет с тех пор, как мне исполнилось три года.

— И до какого времени?

— До этого дня.

— Идем, — мягко повторил Рей и первым опустился на колени перед телом вождя. — У нас есть ядохвост, я предполагаю, что он стал причиной гибели Вождя. Ты знаешь, какие отметины остаются от укуса на теле?

Улльх кивнул.

— Люди Травы иногда бывают неосторожны. Будет краснота, вот такая, — и он большим и указательным пальцем показал размер примерно с долларовую монету. — И мертвый человек.

— Можно? — Рей кивнул на тело Вождя, Улльх кивнул в ответ. — Мне придется поднять его одежду.

Уллх и это разрешил. Рей ощущал себя беспомощным и словно бы голым — Ойгу не следил так пристально за каждым его движением. Различить пятно среди шрамов казалось Рею практически непосильной задачей.

— Ты сказал, что Шаман вечен?

— Шаман хранит жизни племени. Кто-то умирает, и он теряет часть себя. Потом рождается ребенок, и Шаман обретает часть. Он исцеляет. Он бережет. Он ушел в Траву много лет назад, когда не было ни моего деда, ни моего прадеда.

— Что это значит? — с интересом спросил Рей, заканчивая осматривать грудную клетку и живот тела. Ничего. Он принялся за осмотр рук и шеи.

— Новый Шаман уходит в Траву на пятьдесят дней и возвращается на исходе срока с ее даром. Никто не знает, что это, только видит. Шаман может даровать жизнь, он может видеть во мраке. Он может проникать в мысли... Я так думаю, — смущенно прибавил Уллх. — Он не может убить.

— Правда? — Рей приложил все усилия, чтобы в голосе не слышался скепсис. Он знал из уроков истории в школе, что и в его мире — там, где он жил, а не бредил — шаманы обладали и властью, и силой. И всегда считал, что это лишь убеждение членов племени. Но магию Ойгу он только что видел своими глазами.

— Он убьет одного, и тогда умрет племя. Все, сразу. И Шамана нельзя убить, в нем много жизней. Можно лишь лишить его этой силы. Что это?

Рей пригляделся. Выглядело похоже на припухшее пятно, такое, как его описывал Уллх, но как он ни вглядывался — не мог увидеть следа укуса.

— Это похоже на ожог, — усомнился Рей. — Прости, но мне придется снять с него... одежду дальше. А потом, если мы ничего не найдем... Нет, стой. Давай перевернем его осторожно.

Если тварь сидела где-то так, как привыкла — как бы на стволе дерева, если Ойгу деревья имел в виду, — Вождь мог прислониться неосторожно или пройти мимо.

Переворачивать Вождя было жутко. Сердце могло выпасть из раны, и Рей, чтобы не задеть чувства Уллха, придерживал его рукой. Чувствовать под пальцами то, что недавно билось, было странно, и Рей старался об этом не думать. Он осторожно стащил с плеча Вождя расшитое одеяние и увидел то, что искал.

— Видишь? — Рей указал на четкое пятно с отметиной внутри — не больше миллиметра, и края ранки разошлись, выпустив лишь каплю крови. — Значит, я прав, и это ядохвост убил твоего отца. Точнее, — поправился он, — тот, кто принес его сюда. Шаман сказал, они здесь не живут.

Уллх помотал головой. Как это понимать?

— Не живут или живут? — переспросил Рей.

— Не живут. Здесь нет травы с жесткой кожей. Я покажу тебе... потом. А сейчас уйди.

Рей поднялся. Рука его тоже была в крови. Уллх сидел рядом с телом отца неподвижно, Рей не видел теперь его лица, но он достаточно повидал людей, потерявших близких.

Поэтому он не ушел. Шагнул вперед, опустился рядом с Уллхом. Тот поднял голову и полоснул Рея отчаянным, полным боли взглядом:

— Я сказал тебе уйти!

«Ему всего двадцать три года, — напомнил себе Рей. — А мне тридцать четыре, и я наелся дерьма по самые уши».

Он протянул чистую руку и положил ее Уллху на плечо. Кожа его была горячее и обветренной, а шрамы ощущались под пальцами так явно, что в этот момент Рей вдруг понял окончательно и бесповоротно, что никакой это, к черту, не сон.

— Мы оба сегодня лишились многого, — негромко сказал он, ожидая, что Уллх сбросит руку. — Может, у вас не приняты прикосновения в знак поддержки. У нас говорят — я с тобой,

бро, я твой друг, я помогу тебе. И кладут руку на плечо. — Все-таки руку он убрал, и Улльх удивленно улыбнулся сквозь слезы.

— Бро? — он будто попробовал слово на вкус. — Что это значит?

— Брат, — объяснил Рей. — Не обязательно настоящий, кровный брат, просто может быть друг. Я знаю, мы с тобой пока не друзья. Для этого нужно время. Но я хочу отблагодарить тебя — всех. Помочь, чем смогу.

— Ты уже начал, — Улльх улыбнулся, но слабо. Своих слез он стыдился, конечно. — Это, — он указал на пятно, а потом, подумав, закрыл его одеждой. — А дальше? Бро.

— Посмотрим, — признался Рей. — Дальше обычно работали... делали... другие люди. Но я знаю, как и что они делали.

Глава 4

Поселок как будто вымер. Даже старики и дети, кроме самых немощных и маленьких, уехали собирать траву. Рей, конечно, не понимал пока смысла происходящего до конца, но догадывался: ритуалы были у каждого народа и в каждой религии. Кочевой народ мог не поклоняться Богам, но почитал траву, что давала жизнь, как морские народы почитали океан, а бушмены — леса.

Улльх привел его на окраину аюта. Здесь, рядом с огромным загоном для животных, сейчас совершенно пустым, высился большой навес. Под ним стояли какие-то странные кожаные то ли мешки, то ли сундуки. На каждом был вытеснен искусный узор.

— Уллюты — кочевой народ, — пояснил Улльх, уверенно проходя вглубь этого странного склада. — Стоянка два месяца — долгая стоянка. Обычно меньше. Вещей много, их нужно возить с собой. Это — возилок, — он похлопал пузатый сундук по крышке. — Вещи, которые нужны не каждый день.

— Экономите время на сборы, — понял Рей. — А если своруют?.. — Улльх посмотрел непонимающе, и он пояснил: — Что если кто-то возьмет что-то не свое?

— Одежду? — уточнил Улльх озадаченно. — Зачем кому-то чужая одежда?.. А все остальное и так почти общее.

— То есть у вас не воруют? Неплохо, — Рей подумал, что в таких маленьких общинах была своя прелесть, хоть он, конечно, привык совсем к другому.

Впрочем, воровать тут, может, и не воровали, но убивали, похоже, так же, как и везде.

Улльх подошел к большому сундуку из цветной ярко-красной кожи. В отличие от других сундуков, у этого вся поверхность была покрыта искусным тиснением, очень похожим на узор на его теле.

— Возилок Вождя, — сказал Улльх с благоговением и печалью. — Здесь одежда отца для ритуалов и празднеств.

— Его нужно переодеть? — догадался Рей.

— Да, — Улльх решительно открыл сундук. — Уюст и Уллет мне помогут.

— Это твои братья?

— У Уюста другая мать. Вторая жена. Мать Уллета обменяла свою жизнь на жизнь сына.

— Как это?

— Ушла в Траву, чтобы протоптать ему дорогу.

Понятнее не стало, но Рей не стал спрашивать снова. По всей видимости, мать Уллета, первая жена Вождя, умерла родами, а уж насколько переносным был смысл слов, он рано или поздно разберется — раз уж он обрел тут вторую жизнь.

— Часто тут появляются люди из-под синего неба? — поинтересовался он, когда Улльх открыл сундук и начал осторожно перебирать вещи.

— На памяти живых ты первый, — отозвался Улльх. — Но мой дед рассказывал о человеке, которого знал сам. Нужно спрашивать Ойгу. Он знает. Он видел всех.

— И каково это — жить вечно? — спросил Рей и тут же пожалел об этом. Так, на первый взгляд: великолепно. Но после первой сотни лет придет понимание, что это не жизнь, а список потерь. Все, кого ты знал, уйдут, а ты останешься.

Со своим чувством долга.

Улльх уже достал из недр сундука нужную ему вещь, но, услышав вопрос, бросил ее обратно и тяжело уперся ладонями в борта.

— У нас будет время говорить, изомир, — произнес он глухо, не глядя на Рея. — Ты задашь свои вопросы, я — свои.

— Но сейчас лучше отвалить, — вздохнул Рей. — Я понял. Извини.

Уллх покосился на него, выдернул такой же красный, как сундук, кожаный комбинезон и захлопнул крышку.

— Идем.

Дорога из травы оказалась вовсе не образным выражением. Красную траву «расчесали», как гребешком, особой волокушей, привязанной к седлу чалла, отчего получилась полоса смотрящих в одном направлении колосьев. Она протянулась на несколько километров к горизонту и кончалась огромным стогом. Тело Вождя переодели в тот самый красный комбинезон и пронесли на носилках до самого стога — пешком, даже не взяв с собой лошадей.

Хотя нет. Одну все-таки взяли: как понял Рей, это было личное животное Вождя — огромный, больше похожий на носорога, чем на лошадь, самец. Он шел безо всякой привязи и то и дело тыкался мордой в руку мертвого хозяина.

Рея не звали, но и не просили остаться, поэтому он, подумав, пошел вместе со всеми. Во-первых, если это действительно была его новая реальность, то стоило познакомиться с обычаями уллютов как можно скорее. Да и с самими уллютами тоже.

А во-вторых, убийца Вождя тоже должен был быть среди них, и стоило присмотреться ко всем, кто шел рядом с телом.

Носилки несли трое. Рей пока не понял, кто из братьев был старшим, а кто младшим, но Уллх определенно отличался от обоих и статью, и ростом, и более ладными, интересными чертами лица. А вот узоры, насколько мог судить Рей, на их коже были почти одинаковыми. Рей бывал на похоронах — намного чаще, чем обычный человек — и реакции присутствующих видел разные, а что выражали лица сыновей Вождя, сказать не мог. Непроницаемые лица, а может, Рей еще не знал эмоций этого мира.

Вторая жена Улимхана была женщиной красивой и очень невысокой — из чего Рей мог предположить, что ее сыном, Уюстом, был самый низкорослый из братьев. Но он, конечно, мог и ошибаться.

Всю дорогу вдова шла, держась одной рукой за носилки, смотрела исключительно вперед и беззвучно глотала слезы. Рей не исключал, что именно она убила мужа по какой-то совершенно банальной причине, но видеть такое молчаливое искреннее горе было больно. Хотелось как-то утешить эту красивую маленькую женщину.

Шаман шел позади носилок и тянул на низкой ноте какую-то мелодию. Его голос был едва слышен, но удивительным образом смешивался с шумом травы и шорохом множества ног.

Рей думал — кто из этих людей мог поймать ядохвоста? Наверное, тот, кто мог добраться до мест, где эта тварь обитает. Сколько он ни всматривался, не видел ничего, похожего на кромку леса, только степь — бесконечная, живая, говорящая. Степь знала многое, но траву нельзя было заставить говорить.

Когда процессия дошла до стога, небо уже не светило — оно буквально горело алым пламенем. Почему-то Рей был уверен, что стог в итоге сожгут, но тот состоял из сочной свежесрезанной травы, и заставлять ее гореть, кажется, никто не собирался. Тело положили в самую середину, словно убитый Вождь был фараоном, а этот гигантский стог — его пирамидой.

Едва только вход в травяную усыпальницу заложили снопами, относительно спокойный до этого верховой конь — чалл, стоило привыкать к этому названию — громко закричал и сорвался с места. Он скакал и скакал вокруг стога, словно искал своего хозяина, останавливался, кричал, рыл копытами траву и снова скакал.

В какой-то момент его бег словно потерял осмысленность. Гонимый горем, он просто скакал вперед, механически меряя копытами землю. Рею вдруг показалось, что их стук стал громче. Он с удивлением обернулся и увидел, что люди начали притопывать по земле в такт его галопу и одновременно — растягиваться в большой круг. Стук — шаг. Стук — шаг.

Улльх обернулся. Нашел Рея взглядом и кивком пригласил подойти. Рей не знал, что нужно делать, но простой, известный в любой точке мира ритм было несложно подхватить. Стук — шаг. Стук — шаг.

Они двигались все вместе, замирая, когда тело чалла на мгновение повисало в воздухе, и толкая землю ногами, стоило копытам коснуться травы. Все громче и громче, окружая стог молчаливым хором.

Песня Шамана, что он так и продолжал напевать все это время, тоже набрала силу, поплыла над травой, смешиваясь с ритмом людей и животного, объединяя всех в единое целое со степью, небом и общим горем.

Это было чужое горе, но Рей позволил ему проникнуть в сердце — если Вождя так искренне любило его племя, значит, это был достойный Вождь.

Наконец песнь Шамана начала стихать. Взмыленный чалл побежал медленнее, а потом и вовсе перешел на рысь. Теперь его копыта издавали дробный перестук, и, чтобы поспеть за ними, пришлось мелко топтаться на месте. Этот новый ритм, новое движение неожиданно взбудрило, заставило сбросить гипнотическое оцепенение, и, когда Шаман вдруг громко закричал, Рей присоединился к нему без подсказок, влив свой голос в общий клич.

А потом чалл остановился, и крик оборвался, оставив внутри опустошение и облегчение. По Вождю будут скорбеть еще долго, но время слез уже прошло.

«Спасибо за то, что он был со мной», — так сказала туристка, когда ее привели опознавать тело мужа. Он сорвался с откоса, катаясь на велосипеде, а такие случаи иногда бывают несообразно критичны.

«Спасибо, что ты был нашим Вождем». Скорбь бывает в благодарность. Рею тоже оставалось лишь благодарно скорбеть о том, что осталось у него позади: работа, друзья, родители, привычный мир. «Скажем так, я тоже благодарен, что у меня все это было...» Если бы люди знали, что те, кто ушли, будут скучать по ним не меньше, что их не просто не стало, что им не все равно?.. Как бы тогда выглядели все ритуалы?

Обратный путь обычно бывает короче, но после ритуальных плясок Рей почему-то устал. Ничего такого сложного в них не было, но силы будто выкачали. Шаман словно об этом знал.

— Как твоё здоровье, изомир? — поинтересовался он, поравнявшись с Реем. Обратный путь уже не был частью ритуала, и все шли, как хотели.

— Все в порядке, — Рей вымученно улыбнулся. — Но устал. Это было... — он замаялся, не зная, какое слово подобрать. — Необычно.

— Ты первый изомир на моей памяти, кто принял участие в первом же ритуале племени, — Шаман посмотрел на него с явным одобрением. — В твоём сердце много неба.

— Я ведь здесь теперь надолго? — осторожно спросил Рей.

Шаман глянул на него с высоты своего роста — а он был выше Рея как минимум на полторы головы. Да что Рея — он был выше даже рослого Улльха, рядом с которым Рей чувствовал себя мальчишкой.

— До конца твоего пути по Траве, — ответил Шаман тихо. — Люди приходят, но никогда не уходят... — он помолчал. — Тебе больно, я знаю. Но боль утихнет. Наша жизнь другая, но это хорошая жизнь.

— У меня не было никого, по кому бы я скучал, — соврал Рей. Но это было почти вынужденной правдой: многих вещей ему будет здесь не хватать, а люди... их будет не хватать, бесспорно, но друзья, родители справятся без него. Просто он ушел первым, а тосковать будут все. И Рей, и те, кому сообщили о его смерти. Вот если бы он завел собаку, все было бы намного сложнее. — Думаю, я справлюсь. И... есть у тебя те, кому ты доверяешь, Шаман? Как самому себе?

Казалось бы простой вопрос почему-то вызвал усмешку.

— Здесь все иначе, изомир, — сказал он нараспев. — Доверие — я знаю это слово. Но скажи его Улльху — и он не поймет тебя. Если есть доверие, значит, есть недоверие. Уллюты живут иначе. Если будет недоверие, путь окончится. Трава поглотит сущность племени и больше не вернет.

— Мне нужно знать, кто входил к Вождю до того, как его нашли мертвым. С самого утра, по очереди, — и Рей подумал, что не столь это важно. Главное — кто заходил. — И тогда я смогу понять, кто принес ядохвоста. Есть те, чьим словам можно верить и кому доверяешь ты?

— Мои ученики. Улльх и Уллет, — Шаман глянул на идущих впереди братьев с отеческой теплотой.

— А Уюст? — быстро спросил Рей.

Шаман удивленно вздернул брови. Они у него были совсем светлые, как и волосы, что сильно контрастировало с покрытой черной краской кожей. А еще, в отличие от остальных уллюотов, носивших длинные волосы, хвосты и косы, его череп был покрыт коротким ежиком.

— Ты запомнил имя? — он улыбнулся.

— Вождь Улимхан, его сыновья от первой жены Улльх и Уллет, Уюст от второй жены, — перечислил Рей. — Вы все уллюоты, ездите на чаллах, живете в гаррутах, одежду храните в возилках. А ты — Ойгу.

— Ты хороший изомир, — кивнул Ойгу с уважением. — С ними иногда бывает непросто.

— Могу себе представить, — Рей действительно мог: иногда люди вели себя как идиоты и в куда менее шокирующей ситуации. Например, когда на шведском столе кончалась курица. Или звучала пожарная тревога. В умах обывателей это почему-то было почти сопоставимым стрессом. — Так что насчет Уюста?

— Улльх станет новым Вождем. Уллет придет после него, если у Улльха не родится сын к тому времени. А Уюст может стать только Шаманом.

Рей устался себе под ноги. Там была только трава — мягкая, усыпляющая.

— Если ты... Но Улльх говорил, что ты вечен.

— Всякое может произойти, — отозвался Шаман. — Я пережил уже многих учеников, но всегда должен быть кто-то, кто соберет души племени и будет оберегать их. Если не станет меня — будет новый Шаман. Так было и будет. Племя нельзя оставлять без защиты, придет беда.

Возможно, это было невежливо — хотя в другом мире и правила этикета, наверное, были другими, — но Рей в любом случае не удержался от вопроса:

— Так сколько тебе лет?..

— Больше, чем живут люди под синим небом, — чуть помедлив, ответил Шаман. — Сильно больше.

— Двести лет? Триста?

— Я не отвечу на твоём языке, — Ойгу покачал головой. — В нашем мире время течет иначе. Твой год меньше наших.

Рей снова кинул взгляд на Улльха. Так вот почему он казался старше озвученных лет. На вид ему было минимум двадцать семь, но никак не двадцать три.

— Ты видел других? Из моего мира?

— Я видел двоих, — кивнул Ойгу. — Одного уже старым. Он уже мало отличался от уллюотов. А второго я помню хорошо. Он был не похож на тебя, — и снова одобрительный взгляд, будто Рей проходил какой-то экзамен. — Он был злой, жестокий. Все время бил своего чалла. Но зато умел охотиться. Трава смягчила его. Помогла обрести покой. А уллюоты научились охотиться на каукан. Сложный зверь. Быстрый.

— И что с ним стало?

— Он прожил, сколько было отпущено, и ушел в Траву. Так тебе нужно знать, кто был у Вождя? Кто принес ему ядохвоста? — Шаман переключился на другое, и Рей почувствовал

к нему благодарность. Понимает, как тяжело вспоминать? Скорее всего, его личный список утрат похож на пухлую конторскую книгу... — Ты спросишь, кто мог его принести из мест, где он живет?

Трава шелестела под ногами. Рею казалось — она живая. Но, может, так и было, если Шаман вернулся из нее со своим даром вечности и волшебства?

— Я действительно собирался спросить об этом, — изумился он такой прозорливости. С другой стороны: Шаману несколько веков. Он собрал всю мудрость нескольких поколений. — Ты говорил, они живут на траве с жесткой кожей. До нее четыре месяца пути.

— Никто из уллютов не был там, где растет эта трава, изомир, — Шаман грустно улыбнулся. — Никто не был там... много дней. Улльх это знает. Ты все еще хочешь, чтобы я попросил учеников опросить всех и узнать, кто заходил в гаррут Вождя?

Рей опустил руку в траву. Она была нежной, как волосы ребенка, растекалась под пальцами, распадалась, и Рей понял, о чем сказал Шаман — «Трава смягчила его». Да, что-то чувствуется, чем дольше он прикасается к траве, тем спокойнее ему становится и... не так больно.

Сначала Улльх убедил Шамана, что Рей может помочь, потому что он пришел из мира под синим небом. Спустя какие-нибудь полчаса Шаман повторил Улльху его же слова. Это странно или закономерно, именно так здесь и должно быть?..

— Да, — кивнул он. — Несмотря на то, что никто из уллютов давно не был в краю, где растет трава с жесткой кожей. Я все равно хочу это знать.

Глава 5

Ночь прошла беспокойно. Хоть местная Трава, она же степь, и была просто морем травы, но звуки издавала все равно. Его гаррут — наутро Рей с трудом вспомнил чужеродное слово — располагался на окраине. Вся суeta прошла мимо, как и рассвет. Рей был разбит, спал он урывками, постоянно чудились какие-то странные вещи — шипение, нечеловеческие тихие крики, вой полицейской сирены, детский плач, звяканье медицинских инструментов... два мира смешались и не давали уснуть.

Рей был благодарен, что хотя бы не видел и не слышал никого из родных и близких. И все равно в какой-то беспокойный момент он очнулся от забытья и почувствовал, как печет под веками от скопившихся слез.

Только этого еще не хватало!

Рей решительно выпутался из теплого кокона мягких шкур и вышел из домика.

Небо было черно-багряным. Наверное, так здесь выглядело раннее дождливое утро. Впрочем, дождь здесь был не такой, как на земле. Рей вздрогнул, когда на плечо упала капля величиной с куриное яйцо. Через несколько секунд рядом на землю прилетела еще одна. Редкий, но очень крупный дождь никак не мешал уже проснувшимся жителям аюта. Женщины с корзинами шли прочь от домов, явно намереваясь собрать что-то в глубине Трав, а мужчины седлали чаллов.

Найдя среди них Улльха, Рей подошел к нему.

— Мы едем проверять ловушки, — пояснил тот, опережая вопрос. — Скоро Большой переход. Нужно поймать побольше еды, чтобы не пришлось есть чалл. Можешь поехать с нами.

Рей кивнул, не задумываясь. Несмотря на дождь, провести день в степи на охоте было интереснее, чем валяться в доме в компании одних лишь собственных мыслей.

— Если не помешаю, — добавил он, спохватившись.

— Не мешаешь, — ответил Улльх серьезно. — Новый взрослый охотник — это хорошо. Нужно только научить. Я могу дать тебе чалла или посадить на своего.

— В моем мире есть лошади, но я никогда не ездил верхом, — Рей с некоторой опаской глянул на чалла.

Вблизи тот казался больше похожим на корову, чем на лошадь: мохнатый, с большими вытянутыми ушами. А еще очень большой и массивный. Ноги местного коня на самом деле были длинными, но по колено утопали в траве, а потому создавалось впечатление, что перед Реєм стоит приземистый бычок с круглыми упитанными боками.

— Это несложно, — заверил Улльх. — Поедешь со мной сегодня.

И, оставив животное совершенно непривязанным, куда-то ушел.

Впрочем, чаллы никуда не убегали. Они стояли возле своих хозяев или ждали, когда те к ним придут, неподалеку от домов.

Вернулся Улльх с еще одним седлом. Его чалл был таким большим, что оно легло на его спину позади первого так, будто и должно было там быть.

— Садись, — Улльх наклонился и подставил Рею руки.

Догадавшись, что от него хотят, Рей наступил на его ладони одной ногой и не без труда вскарабкался во второе седло.

— Нет, сядь вперед, — покачал головой Улльх, а когда Рей переполз в то седло, что было на чалле изначально, легко вскочил позади него. — Здесь больше трясет, — пояснил он. — А тебе нужно научиться.

— А у вас не используют стремена?.. — Рей наклонился, глянув на свои висящие в воздухе ноги. — Как держаться?

— Я не знаю это слово, — Улльх тронул чалла пятками, и тот пошел вперед.

Рей схватился было инстинктивно за седло руками, но быстро понял, что его почти не качает и совсем не трясет. Животное, конечно, перебирало ногами, но его спина при этом оставалась практически неподвижной.

Охотиться явно предстояло в Траве, но сначала Уллх повернул в поселок.

— Нужно вывести чешштак, — пояснил он.

Рей решил не уточнять, а попробовать понять незнакомое слово. И это вполне удалось, когда Уллх вместе с еще одним мужчиной открыли ворота большого загона, выпуская наружу тех чаллов, что не предназначались, по всей видимости, для верховой езды.

— Это чешштак? — уточнил он, кивнув на табун.

— Да, — Уллх развернул чалла, и тот побежал вслед за животными. — Утром выводим, вечером заводим. Ночью Трава опасна.

Он взял длинные сплетенные из травы поводья, заключая Рея в кольцо своих рук, и его чалл вдруг радостно затрубил, задрав морду. А потом пустился вскачь.

Вот теперь его движения ощущались хорошо, но все равно усидеть на нем было несложно — тем более что Уллх осторожно придерживал Рея локтями. Пока они выпускали чаллов, дождь незаметно прекратился, а небо стало нежно-розовым.

Скакать по мокрой степи на огромном животном оказалось приятно. Рей любил машины и обожал мотоциклы, и, видимо, только городской образ жизни удержал его от попыток залезть на лошадь. Сейчас же знакомое ощущение ветра в лицо и скорости тесно мешалось с непривычным удовольствием от мощи покоренного живого существа и запахами незнакомой природы.

Местная степь — Трава — пахла одновременно и привычно, и чужеродно. В какой-то момент Рею казалось, что в нос ударил ожидаемый аромат мокрой земли, грибов и сена, а в другой — что он вообще не понимает, чем таким сладким и пряным веет со всех сторон.

Впрочем, один запах был очень хорошо знаком. Каким бы чужим ни был мир вокруг, человек, к груди которого он то и дело прижимался спиной, пах именно так, как и должен был: молодым сильным мужчиной, чуть вспотевшим, разгоряченным скачкой и обнаженным почти по пояс.

— Мы одного вида, — высказал свой вывод Рей и попытался донести мысль понятнее: — Ты и я — мы одинаковые. Чалла — не лошадь. Не из моего мира. Но ты — человек. Как и я.

— Да, — к его удивлению, Уллх его понял и даже не стал отрицать. — Наши предки тоже из мира под синим небом. Ты прав. Мы одинаковые.

— Наши предки — потомки общего предка. Мы почти как братья, — продолжал Рей.

— Бро?

— Точно.

— Я слышал о других изомирах, — Уллх чуть натянул поводья, и чалл побежал медленнее — так же поступили и остальные всадники, рассыпавшиеся по Траве позади них. — Они все оставили потомство здесь. Были бы разные — не было бы детей от наших женщин.

— Верно, — Рей улыбнулся. Интересно, что такое, казалось бы, неразвитое племя неплохо осведомлено о законах биологии. И кстати, о биологии.... — Что будет с телом Вождя? — спросил он осторожно, надеясь, что не причинит боли. — Его съедят звери?

— Трава поглотит его так или иначе, — чуть напряженно ответил Уллх.

— А его конь? То есть чалл.

— Останется жить возле его костей. Возможно, когда мы вернемся в следующий раз, он примкнет обратно к чешштаку, а возможно, всю жизнь будет хранить память о том, кто его взрастил.

— А ты... — хотел было задать еще один вопрос Рей, но Уллх его оборвал:

— Смотри! — и указал разрисованной узорами рукой на что-то, что скачущий чешштак старательно обходил стороной.

Присмотревшись, Рей понял, что это была сеть, набитая какими-то существами, очень похожими на травяные клубки.

— Ловушка сработала, — на Улльха не нужно было смотреть, чтобы понять, что тот улыбается, но Рей посмотрел именно поэтому — и обнаружил, что улыбка у него весьма обаятельная: широкая и с отчетливыми ямочками на выразительных скулах. — Хорошая ночь!

Он подвел чалла к самой сети и прыгнул на землю. Рей немного подумал и, изловчившись, спешился тоже.

— Смотри, — повторил Улльх. Он ухватился за сеть и не без труда ее встряхнул: длинная, вытянутая, словно рыболовный садок, она была полна какими-то зверушками или, может быть, птицами. — Это квакки, — к ним подъехали остальные охотники, и Улльх довольно тряхнул сетью снова.

— Я возьму! — вызвался один из всадников. Улльх вытащил из земли колья, которыми крепилась ловушка, завязал открытый конец — кажется, квакки были крайне глупыми, потому что залезть в вогнутую дырку смогли, а вылезти — нет, — и подал конец сети всаднику.

Тот затащил добычу на чалла, привязал за середину к седлу, распределив существ так, чтобы с обоих боков животного свисало по «мешку», и довольно вскинул руку.

— Квакки — хорошая еда, — сказал Улльх, когда они с Реем снова сели в седла и поехали, по всей видимости, к очередной ловушке. — Их редко удается поймать. В них много жира. Жир нужен, чтобы делать шкуры. Чтобы делать дицины. Чтобы делать ыль.

— Ну шкуры — это понятно, — Рей кивнул. — А что такое дицины и ыль?

— Дицинами мажут раны, — охотно пояснил Улльх. — Иногда едят, чтобы не болело.

— Лекарство?.. — догадался Рей. — Медицина. Вы исказили наши слова.

— Возможно, — не стал спорить Улльх. — Изомиры учат нас многому.

— Тогда ыль — это сам жир? Масло? — попытался угадать Рей.

— Нет. Ыль нужен, чтобы счищать грязь.

— Мыло! — Рей даже крикнул. Эта угадка оказалась весьма забавной. — Интересно, что еще?

— Изомир? — предположил Улльх подумав. — Я думаю, это слово связано с миром синего неба.

— Наверняка, — Рей попытался прикинуть, из каких слов могло состоять его местное прозвище. — Иноземец? Иномирец? ИЗ-другОго-МИРа?

— Все слова похожи, — согласился Улльх. — Наверное, какое-то из них.

— Язык у всех одинаков? Здесь ведь есть и другие племена?

— Общие предки. И у людей, и у языков.

— И другие племена тоже находят изомиров? — Рей вдруг подумал, что случилось бы, если уллюты его не подобрали. Звуки, доносившиеся ночью из Травы, не обещали ничего хорошего.

— Наверняка, — уверенно ответил Улльх. — Но мы об этом мало знаем. Уллюты — народ Травы. Мы редко встречаемся с племенами, запертыми в камнях и боящимися неба.

— А кто живет там, где трава с жесткой кожей? — спросил Рей и подумал, что зря. Для Улльха это пока еще слишком больно. Для подобных вопросов есть Шаман.

Улльх и правда напрягся, но все-таки ответил:

— Те, что боятся неба.

И послал своего чалла галопом.

Глава 6

День вышел длинным. Они объездили так много ловушек, что Рей сбился со счета. Одни были сетчатые — на квакк, — другие оказались ямами с кольями на дне, третьи были как маленькие гарруты с крышкой из таких же, как стены домов, глиняных трубок.

Из десяти или двенадцати ловушек на квакк были полными еще только две, а вот в ямах и ящиках почти в каждом сидел какой-то зверь. Уллхх исправно озвучивал названия и рассказывал что-то про каждого зверя, но Рей мало что запомнил — лишь для себя понял, что звери тут были совсем не похожи на земных. Например, одной из самых желанных добыч тут, видимо, считалась огромная мясистая гусеница. А вот животное, с виду напоминавшее помесь барсука с лягушкой, вытащили из ямы и отпустили на все четыре стороны. Оно, кстати, было цело, неведомо и отчаянно верещало тонким неприятным голосом.

— Плохое мясо, — пояснил Уллхх. — Горькое. Но хороший зверь.

Рей понял две вещи. Первая: придется есть то, что совсем недавно бегало, само кого-то или что-то ело и никак не рассчитывало быть съеденным. Сложная задача для человека, вся жизнь которого, особенно в последние годы, прошла под лозунгами «сохраним природу». Причем лозунги не сильно бы мешали, вот действия, которые предпринимали правительства разных стран и особо сознательные граждане, давили сильнее. От мяса коров и свиней Рей не отказался, но уже сто раз думал, прежде чем купить кожаные ботинки. Рассматривая на обратном пути траву и прислушиваясь к доносящимся из нее звукам, Рей пытался себя убедить, что вот где-где, а в этом мире, да и в его прежнем, пожалуй, в такие вот времена потребление было разумнее некуда: не убивай больше, чем сможешь съесть.

Труднее было с тем, что все, что было поймано, должно было быть каким-то образом умерщвлено, несмотря на то, что совсем недавно было живо. Проверка на гуманность, думал он, удивляясь проскакивающим по траве искрам. Скорее всего, это было что-то живое.

Рей открыл для себя неведомый прежде триггер: убийство живых существ. Не самых разумных, но все же. Для пропитания, но все же. Ни разу в жизни он не делал этого сам, но догадывался, что теперь придется.

Второе открытие не вызывало моральных дилемм, но сильно мешало физически. После езды на чалле он не чувствовал собственного зада и подозревал, что ходить нормально какое-то время не сможет, как и сидеть.

Степь была сочно-багряной, небо напоминало рубин и сияло так же за красными облаками — возможно, местное светило, или даже не одно. Вся группа держалась рядом, добыча в мешках к ночи совсем притихла — может, смирилась с неизбежным, может, просто боялась. Рею тоже становилось не по себе, как только он отвлекался от мыслей о еде и заднице и начинал всматриваться в степь. Мир, тишина, но это все обманчиво. Если все настоroje, и ему следует быть молчаливым и внимательным, насколько получится.

Но они вернулись благополучно. Рей сполз с чалла, держась за седло. Ноги ощущали землю, но стоять не желали и физической связи с задницей и всем остальным телом, кажется, не имели. Осторожно, как годовалый ребенок, Рей сделал шаг и чуть не упал.

— Ты привыкнешь, — пообещал ему Уллхх. Вокруг шла суета, подбегали мужчины и женщины, принимали добычу, проворно утаскивали куда-то. Рей догадался, что он тут лишний.

Он смертельно устал, но это была усталость от впечатлений и незнакомых ранее действий. Хотелось сесть и медитировать, хотя никогда в жизни Рей не тратил время так бездарно. От просиживания штанов его удержало то, что все были чем-то заняты, безделье могло быть расценено неправильно. Или правильно, что еще хуже.

Глядя на упорядоченный хаос, на детей, которые радостно шныряли под ногами и визжали, Рей побрел к своему гарруту. Ноги понемногу начинали подчиняться, но шаг все равно был как у пьяного. Интересно, уллюты пьют? Или ведут здоровый образ жизни? Есть ли у них какие-то пороки?

Есть, и Рей это понял, когда увидел сидящего возле гаррута Шамана. Уллюты способны на убийство.

— Тебе нужна новая одежда, — сказал Шаман, поднимая голову. Сам он не встал, лишь подвинулся и указал Рею на место рядом с собой. — Тебе ее принесли.

— Спасибо, — улыбнулся Рей и подумал, как он будет смотреться в одежде племени. Его охватило странное чувство причастности к группе — чувство, которое раньше его всегда пугало, слишком много он видел последствий существования таких групп... к счастью, не в тихом Флэйре, только по телевизору. — Скажи, Ойгу, ты ведь живешь долго. Ты помнишь, чтобы кто-то из уллюотов кого-то убивал?

Шаман ответил не сразу. Рей вглядывался в его лицо и ничего не мог прочесть: как тот воспринял его слова?

— Не помню, — наконец сказал он. — И мой учитель не рассказывал мне, а он прожил... много больше, чем я. Видишь, изомир, я думаю о том же: может быть, мы просто не знали, что то была чужая смерть?

Рей нахмурился. Шаман тоже, увидев его замешательство. Какое-то время они сидели, смотря друг на друга и не зная, как продолжить разговор.

— Чужая смерть, — повторил наконец Рей. — Ты имеешь в виду — преждевременная насильственная смерть? — Шаман неопределенно покачал головой. — Кто-то кого-то убил, а вы не знали, потому что не было ни крови, ни следов борьбы?

— Ты хороший изомир, — Шаман с облегчением улыбнулся. — Понимаешь. Да, мы находили мертвых уллюотов, но как понять, что причина смерти? Ты ведь знаешь.

— Не всегда, — не стал притворяться Рей. — Если это был яд или какая-то болезнь, я вряд ли смогу назвать причину смерти. В других случаях... я мог бы вас научить, но я не хочу таких случаев. Смерть — это плохо.

Шаман положил руку себе на грудь чуть ниже левого плеча.

— Здесь пока пусто, — задумчиво произнес он. — Нелльха скоро родит ребенка, тогда будет легче. А еще, — и рука шамана переместилась чуть ниже, — я чувствую здесь тебя. Пока очень слабо. Но ты тоже уллюот.

— Ты узнал что-то про тех, кто приходил к Вождю? — спросил Рей. — Хотя бы про некоторых?

Шаман кивнул. Рей приготовился слушать.

— Утром были сыновья вождя — так всегда бывает, — размеренно начал Ойгу. — После пришел я, рассказал о Большом Переходе. Он начнется через два дня: Трава так сказала мне, пришло время. Улльх, Уллет, Уюст были с Вождем и слышали о Переходе. Я ушел, они ушли, пришла Соорта. Она сестра Улльис, матери Улльха и Уллета. Потом никого не было. Затем появился ты, и Анхе, страж, зашел к Вождю и сказал об этом, Вождь велел позвать Улльха, тот пришел. После зашел я — и Вождь мне рассказал про тебя. Что же, я слушал его с сомнением. Уллюты рады изомирам, изомиры рады уллюотам не всегда...

Последнюю фразу Ойгу произнес с болью. Рей для себя понял причину его первоначальной если не враждебности, то настороженности: да, вполне может быть, что изомиры не принимают племя, пользуются его добротой или вообще считают за дикарей... У Шамана мог быть подобный опыт, если не личный, то по рассказам соплеменников или учителя.

— От чего он умер? — внезапно для самого себя спросил Рей. — Твой учитель? Ведь Шаманы вечны.

— Он жил... — Ойгу посмотрел на небо, Рей тоже. Ничего там не было, никакой под- сказки. Может, когда жил прежний Шаман, небо было иным? — Он помнил, как Трава стала Травой. Когда-то здесь был лед, а уллюты жили за Синими горами. Они пришли сюда позже. Шаман может устать и уйти в Траву сам, если знает, что силы его слабеют, а ученик достоин занять его место.

— Как ушел в Траву Вождь?

— Нет. Шаман просто уходит, и Трава забирает его к себе. Так же, как мы получаем от Травы силу, потом ее Траве отдаем.

«В самом деле, как Великая Сила», — подумал Рей.

— Улльх говорил, что Шамана можно лишить его силы.

— Можно. Никто не знает как, изомир, кроме нас. Тебе рассказывать, что было дальше? Рей кивнул.

— Потом зашла Силля — и выбежала сразу же. Очень быстро выбежала. Вот и все, изомир, — закончил Шаман. — Эти люди ходили к Вождю каждый день.

— Кроме стража? — уточнил Рей.

— Да, стражи разные. Они меняются день ото дня, — последние слова он произнес тише и медленней, потом повернулся к Рею: — Это тревожит тебя, изомир?

И да, и нет... Рей пожал плечами.

— Я... в моем мире есть люди, которые умеют видеть... не сами, у них есть... — Рей тяжело вздохнул. — Как тебе объяснить? Специальные вещи, они видят с помощью этих вещей. И еще эти люди изучают науки — каждый свою. Много людей, десять, двадцать, они смотрят, где нашли тело, изучают тело, изучают то, что рядом, и с помощью своих специальных вещей создают довольно точную картину.

— Ты можешь создать эти вещи, изомир?

— Нет, — Рей невесело усмехнулся. — Один человек их никогда не создаст. Десятки людей создают годами одну вещь, чтобы она могла послужить другим людям. Может, тебя утешит, Шаман, что нам такие вещи нужны намного чаще, чем уллютам... Наш мир жесток. У нас могут убить из-за любой вещи.

— Как это?

— Захотеть ее себе.

— Чужую вещь?

— Да. — Насчет денег и всего остального Рей решил не распространяться. — В своем мире я был человеком, которого населе... племя избрало, чтобы он следил за порядком.

— Ты был Шаманом?

— Шерифом, — хмыкнул Рей. — Хотя, наверное, есть что-то общее. Разве что я не вечен, как оказалось. Но я могу... умею работать с... информацией. Знаниями. М-м-м... тем, что мне говорят другие люди, проверять, правду ли они сказали или нет, ловить их на лжи. Поэтому мне нужно знать, что было вчера и позавчера и...

Говорить на эту тему оказалось невероятно сложно. Рей чувствовал, что Ойгу местами его не понимает, но очень старается и не подает виду. Рей облизнул губы и понял, что зверски хочет есть и пить.

— Я сделаю все возможное, чтобы узнать, кто убил Вождя, — повторил Рей свое обещание. — Все, кто рассказал о тех, кто ходил к Вождю, всем этим людям можно верить?

— Каждый ученик опросил людей и рассказал мне, а я проверил, все ли так, как они ска- зали, — странно морщась, не очень внятно объяснил Шаман. Обижен? Устал? Или посчитал, что Рей ему не доверяет? — Все их слова были одинаковы, всем ученикам рассказали одно и то же разные люди.

Рей закрыл непроизвольно открывшийся рот. Шаман, сам того не подозревая, провел работу как превосходно подготовленный полицейский. Вдаваться в такие подробности Рей не рискнул, иначе разговор затянулся бы до утра.

— Спасибо, Шаман. Ты мне очень помог. — Ойгу улыбнулся, и Рей осмелел: — Я смогу поговорить с ними потом, завтра? Со всеми?

— Сможешь. Я скажу, чтобы они рассказали все тебе, — Ойгу кивнул, будто закрепляя сказанное, и поднялся на ноги. — Идем. Тебе надо стать чистым. Возьми новую одежду.

Рей усмехнулся. Да уж, помыться точно не мешало бы. Но откуда в Траве вода?..

Оказалось, что место стоянки было выбрано отнюдь не случайно. В противоположной от загона чалл части аюта обнаружилось что-то вроде глиняного карьера. Он был совсем небольшим, но Рей наконец-то понял, откуда взялась глина для постройки домов — стенки карьера были как будто слоистыми. Сейчас сухие и растерскавшиеся, пласты глины отходили друг от друга словно меха гармошки, и Рей предположил, что если их намочить, можно было скатать те самые трубки-бревна, из которых были сложены гарруты.

По центру же карьера располагалось небольшое — всего метров пять в диаметре — озеро. Вода в нем была красная и очень прозрачная, но как Рей ни присматривался, не мог увидеть дна.

К озеру уже стянулись все участвовавшие в охоте мужчины и некоторые женщины. Причем последние, нисколько не стесняясь, снимали одежду или стояли уже совершенно голые, а мужчины поливали их водой из широкогорлых кожаных мешков.

— Я знаю: в твоём мире принято прятать тело, — негромко сказал Шаман. — Но уллюты — дети Травы. Нам нечего прятать друг от друга.

— Оно и понятно... — протянул Рей, против воли засмотревшись.

Тела собравшихся тут людей, бесспорно, не были совершенны. Но при этом каждый был красив своей особенной красотой, которая может образоваться только на воле, под солнцем, в седле. И почти у всех было множество шрамов-татуировок.

— Что они означают? — поинтересовался Рей, указав на руку Шамана. — Ваши узоры.

— Степень родства с Вождем и другими семьями, — пояснил Ойгу. — Роль в племени. Посмотри на Ульху и его братьев — и сразу поймешь, что они — сыновья Вождя.

— И что ты — Шаман, — улыбнулся Рей. — Удобно. Как вы их делаете?

— Соком Крас-травы, — Шаман поднял руку, позволяя ему провести по ней пальцем. Узор оказался на ощупь не твердым, как келоидные рубцы, а мягким, как сама кожа, — Скоро узнаешь сам.

— Мне тоже такое сделают? — Рей внутренне содрогнулся. Выглядело это все, конечно, красиво, но наверняка наносить подобный узор было чертовски больно.

— Ты — новая семья, — серьезно посмотрел на него Шаман. — У тебя будет новый узор. Для тебя и твоих детей.

— Это... — Рей запнулся, не зная, как спросить. Больно, но как относится уллюты к тому, что кто-то не терпит боль? Познавательные каналы много рассказывали о болезненных и часто бессмысленных ритуалах. — Причиняет боль?

— Нет и даже доставляет удовольствие, — Шаман улыбнулся — впервые на памяти Рея — и сделал приглашающий жест в сторону озера. — Иди. Тебе помогут.

Глава 7

Комбинезон оказался довольно удобным, хотя упаковывали Рея в него сразу двое человек — справиться со всеми этими завязками и ремешками самому оказалось не под силу.

Ему и правда помогли. Стоило раздеться, как к нему шагнул один из мужчин с полным мешком воды, а только что помывшаяся женщина сунула в руку кусок хорошего, почти как дома, мыла. Мочалок не было — вместо них люди брали по пучку травы из специально принесенного сюда снопа. Грязная вода стекала по глиняным желобам в отдельный котлован. Там росла какая-то трава, кажется, очищавшая ее. Мыла она явно не боялась. В основной же водоем не попадало ни капли.

— Ее можно пить? — спросил Рей, увидев, как люди спокойно подставляют под мешки ладони, чтобы умыться и напиться.

— Да, — его помощник уверенно кивнул, и Рей не стал отступать от заведенных традиций. — Помочь тебе тоже? — поинтересовался затем.

Охотник удивленно вскинул брови, помедлил, зачем-то оглянулся на Шамана, но в итоге кивнул и передал Рею мешок. Тот оказался жестким, словно ведро, и не было никаких проблем с тем, чтобы набрать воды и окатить ею мужчину.

Вода, к слову, была теплой, словно в горячих источниках — и это определенно было хорошо. Не привыкший к наготу, Рей чувствовал себя еще более голым от того, что у других были хотя бы узоры на коже и загар, а его белое тело очень давно не видело солнца, а в некоторых местах — и вовсе никогда. Будь вода холодной, смущения добавилась бы еще больше, а так хотя бы за собственную мужественность можно было не волноваться: хоть большинство местных мужчин и было выше него ростом, мужская гордость им размерами не уступала и не сморщилась от холода.

Одевшись, Рей и вовсе почувствовал себя почти отлично — лишь мышцы неприятно тянуло от непривычной нагрузки, но в остальном было почти так же хорошо, как и дома после теплого душа.

Он уже собрался было вернуться в свой гаррут, когда к нему подошел Улльх. Он тоже был у озера — они с, кажется, Уллетом, помогали друг другу.

— Вечером племя собирается у костра, — сказал он. — Приходи тоже, изомир.

— Хорошо, — Рей улыбнулся. — Когда?

— Когда станет темно, — Улльх улыбнулся тоже. — Сегодня будет вкусный ужин.

— Он был вкусным и вчера... — и правда, крепкий бульон и незнакомое жирное мясо с кореньями ему очень даже понравились. — И, Улльх... меня зовут Рей.

— Рей, — повторил Улльх. — Я представлю тебя племени вечером, Рей из мира под синим небом, — сказал слегка торжественно и, кивнув ему на прощанье, поспешил в поселок.

Кажется, племя уже привыкло к мысли, что с ними отныне чужак. На Рея посматривали, но не пялились, и это было приятно. Сам он поступал так же: с любопытством оглядывался, стараясь не задерживать слишком надолго взгляд. Однако кое-что все-таки привлекло внимание: старая женщина ошипывала тушки квакк и складывала их в большой мешок, пересыпая чем-то, похожим на черную соль.

Увидев его интерес, женщина поманила его рукой и жестом предложила заглянуть в мешок.

— Хорошая была ночь, — сказала она довольно. — Чамес вытопит из них жир. Три дня — и можно будет готовить на нем.

— Отлично... — пробормотал Рей. В мешок он все-таки заглянул, но поспешно отошел подальше. А вот убитого квакка рассмотрел с интересом. Видимо, это все-таки была птица: из

то ли меха, то ли пуха торчал маленький клюв, а прямо над ним — тонкая заточенная кость, которой животное безболезненно и быстро умертвили. — А почему охота была только сейчас? Перед самым отъездом? Почему не заготавливаете заранее?

— Слишком много жира не нужно, — пояснила женщина, не отрываясь от своего занятия. — Охотиться слишком часто тоже не нужно. Звери пугаются, люди устают.

— А если бы не поймали квакк?

— Не страшно. Есть чаллы, есть другие звери. Есть старый жир.

Это было странно. Обычно люди боялись голода и старались делать как можно больше запасов. Впрочем, когда есть огромный табун, голод вряд ли грозил живущим рядом с ним людям, так что речь шла скорее о разнообразии пищи.

— Иди сюда, — позвала его женщина и отложила ненадолго работу. Она принесла небольшой кувшин с какой-то белой массой и острой костью отколола кусочек. — Попробуй, — она протянула осколок Рею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.